

Б.И.Коваль

Человеческая энергия как фактор политики

Философическое размышление

В статье рассматривается принцип «человеческого измерения» политики. В дополнение к традиционным институциональным и инструментальным методам анализа (и в отличие от них) в центр ставятся энергия человека, его разум, воля и нравственность. Именно они, а не формальные социополитические системы, определяют смысл и формы общественной жизни.

Ключевые слова: человеческая энергия, латиноамериканский политический ландшафт, мораль и воля, исторические вызовы.

«Объяснение того, что может быть объяснено, только показывает еще яснее необъяснимость того, что лежит позади объяснимого».

Герберт Спенсер

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В последние годы в центр политологии все отчетливее выдвигается проблема «человеческого измерения». Однако до сих пор предпочтение отдается анализу системных, институциональных и инструментальных конструкций: власть, государство, партии, электоральные процессы, бизнес-политика, глобализм, этнические и религиозные коллизии, развитие гражданского общества и др. По этим проблемам были предложены новые интересные концепции, обогатилась вся методология исследований. Тем не менее складывается впечатление, что творческая инициатива все же сковывается сложившейся традицией: теоретическая мысль как бы движется по кругу и наполняется тавтологией. Безграничная интернетовская информация успешно замещает анализ. Все явственнее стала ощущаться потребность в обновлении методов исследования, обеспечении свободного хода дальнейшего познания, допускающего разумный синтез отдельных поло-

Борис Иосифович Коваль — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЛА РАН (t.b.koval@yandex.ru).

жений материалистической философии, идеализма и теологических размышлений. Такая «всеядность» — это плюс, а не минус *свободной* научной мысли. В этом контексте чрезвычайно полезно приблизиться к многоуровневому рассмотрению *роли и силы внутренних человеческих энергий в политической жизни*.

Вроде бы все только об этом и говорят, но, как ни странно, *реальное человеческое измерение политики* (human dimention) развито слабо. Внимание чаще всего ограничивается верхним слоем политики (так называемая *real politik*), который как бы парит над своим фундаментом — *human energy*. Глубинный слой интересует лишь отдельных ученых. Неслучайно, по-видимому, великое гуманистическое понятие «человеческий фактор» чаще всего наделяется негативным смыслом. О нем обычно вспоминают лишь в случае крупной аварии или при геройском поступке. Если «полет» проходит успешно, о летчиках забывают.

Нечто подобное свойственно и политологии: на сцене действуют системы и институты, которым «прислуживают» люди, в том числе и самого высокого уровня, так сказать, властители (монархи, президенты, министры, олигархи). О народе, если и говорят, то в стиле уничижительной «философии толпы» (Г.Лебон, Х.Ортега-и-Гассет, Т.Карлейль).

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

В последнее время стало модным с пафосом рассуждать о так называемом человеческом капитале. Его основные критерии сводятся к констатации того или иного *объема* трудового опыта, уровня образования, средней продолжительности жизни и другим показателям *конкурентной способности людей*. При таком подходе за бортом остаются *качественная характеристика* самого образования, смысла и мотивации трудовой и духовной активности, степень удовлетворенности жизнью, психическое и моральное состояние граждан и многое другое. «Человеческий капитал» в итоге мыслится как некое торгово-рыночное, а не гуманистическое понятие. Такой подход возможен, но явно недостаточен и узок.

Общие статистические данные часто скрывают или даже искажают реальное положение. Так, скажем, сама по себе средняя продолжительность жизни не является показателем всеобщего счастья. Можно 10—12 лет учиться в школе, но так и не обрести высокого уровня знаний. Неравенство в распределении доходов, огромные непроизводительные траты на вооружение и армию, финансовые махинации государства и бизнеса сказываются на положении не статистически «средней», а каждой живой души.

И еще одно важное замечание. Понятия «человеческий капитал» (и «социальный капитал») чаще всего ограничиваются оценкой состояния *только* самодеятельного населения. Дети, старики, безработные, инвалиды остаются в стороне. Они, грубо говоря, — человеческий не-капитал.

В этом контексте, на мой взгляд, целесообразно ввести более широкое понятие — *человеческий фактор*. Под ним я подразумеваю *место и роль комплекса внутренних энергий личности и различных слоев общества без исключения*. При этом характеристика каждого индивида и группы имеет свою специфику — от признания их высокой творческой активности до

оценки их пассивного приспособленчества и паразитизма (речь идет сейчас только о политике).

Протагор (около 490—около 420 гг. до н.э.) учил: «Человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих»¹. Принцип человекомерности особенно важен при оценке социальной жизни — жизни одновременно физической и трудовой (существующей) и духовно-эмоциональной («несуществующей», невидимой). Разве человек это только его тело, руки, ноги, мозг, кишки и т.д.? Разве он не есть душевное, духовное, эмоциональное существо? А все эти понятия вовсе не материальны.

В политэкономии принцип человекомерности наиболее активно развивал Адам Смит (1723—1790). Особое значение он придавал моральным факторам, о чем многие экономисты просто забывают или игнорируют умышленно. «Наш внутренний голос, — писал Смит, — это полубожество, судящее в душе нашей о добре и зле»². Совести присуще наполовину божественное происхождение и наполовину земное. Поэтому ее «власть более сильная и управляющая нами, так сказать, против нашей воли»³. Именно с позиций приоритета полубожественной и полуземной, т.е. человеческой морали, Смит и подходил к разбору всех общественных, в том числе экономических явлений. Его интересовал не механизм, а смысл и польза хозяйствования человека на земле.

Обойдем пока стороной проблемы экономики и сосредоточимся на политической сфере. Ее энергия во многом автономна и всегда претендует на общее руководство.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЕРГИЯ

Политика живет в пространстве между утилитарным материальным интересом, выгодой и стремлением к власти, с одной стороны, моралью и духовными ценностями — с другой. Между личностью и обществом — с третьей. Это особая форма человеческой энергетики, которая то формирует коллективный разум и волю, то разъединяет людей по разным «квартирам», нередко превращая их в непримиримых врагов. Даже любящие друг друга члены одной семьи могут в какой-то момент оказаться по разные стороны идейно-политических или религиозных баррикад.

В политической ноосфере всегда переплетаются две энергии *бессознательного* (инстинкта) и *рацио* (сознательного). Без их взаимодействия не обходится ни один общественный процесс. Архаика и модерн прекрасно уживаются друг с другом. Преимущество, вроде бы, ныне остается за *рацио*, на деле же он втихаря эксплуатирует энергию бессознательного. Как показывает практика, в самом «теле» политической рациональности обычно содержится много иррационального. И это понятно, поскольку разум, словно Ева из ребра Адама, возник из тумана бессознательного и сохраняет в себе его мистическую силу. Такая генетика присуща и политике.

Обыватель смотрит на нее *извне*, опираясь на свои чувства и интуиции. Рациональная оценка ему недоступна. Политик, напротив, находится *внутри* политического поля. Умный и волевой лидер, как магнит, увлекает за собой аполитизированные или слабополитизированные массы благодаря недюжинной энергии личной харизмы⁴.

В случае прогрессивно-созидательной устремленности личной харизмы выдающегося вождя социальный процесс ускоряется и получает некую общую цель. Массы обретают единую волю, наполняются чувством энтузиазма, действуют активно и смело. Если же слабохарактерный и тупой лидер, случайно или обманным путем, присвоил власть и затем на этом основании искусственным путем «создал себе» временную харизму, то чаще всего складывается самая нелепая и опасная ситуация: быстро начинают проявляться капризность и непредсказуемость поведения случайного кумира. В итоге возникают беспорядочные метания страны из стороны в сторону, растут общая растерянность населения, страх перед неясным будущим, появляется негативное восприятие происходящего. В итоге человеческая энергия во многом рассеивается понапрасну. Политическая власть чаще всего видит свою задачу в том, чтобы исполнить волю Левиафана и любыми путями навести «надлежащий» порядок, построить граждан в колонны под присмотром закона и правоохранительных органов. Для этого приходится силой подавлять всякое проявление самостоятельной энергии масс или с помощью церкви «духовно окормлять» не только верующих граждан, но и атеистов.

Ловкий политик, по меткой характеристике Никколо Макиавелли (1469—1527), отличается от простых обывателей тем, что «уже давно не говорит того, что он думает, и не думает того, что говорит, а если иногда ему случается сказать правду, то он ее заключает в такое количество лжи, что и обнаружить ее трудно»⁵.

Разобраться в дебрях нескончаемой общественной суеты крайне трудно. Ее можно уподобить сумбурному потоку всякого рода магнитных, электрических, радиоэлектронных волн и существующих ныне интернетовских помех и шумов. Перед нами образуется хаос различных полезных и вредных идей, бесконечных демагогий, фантазий, обещаний, компромата и прочих текущих несуразностей. Такая запутанная политико-информационная ноосфера теперь обволакивает всех и каждого на земле, крайне затрудняя распознавание добра и зла.

Количество тайн и невыясненных вопросов с каждым днем, вроде бы, уменьшается, а на деле возрастает. Эта особенность проявляется именно в нарастающей политизации общественной жизни. Но, с другой стороны, все более явным становится то, что не человек есть часть политики, а политика — это всего лишь часть жизнедеятельности человека, причем в большинстве случаев самая малая ее доля. Масса граждан стоит далеко от политики, поглощенная личными экзистенциальными заботами.

Активный и свободомыслящий *политический человек*, скорее, исключение из общего правила. Его сознание и практическое дело насыщены огромной и богатой энергией. В ее структуру кроме ума, воли и чувства входят память, воображение, творческая фантазия, интуиция, мотивированные идеалы, любовь, радость, зависть, хитрость и многое другое. Эти разные проявления воли и психики отдельно друг от друга существовать не любят и стремятся переплестись в тугой клубок.

Разумение есть главная сущность человека, однако интуиция чаще всего обгоняет рассудок. Чувство предощущения — большое преимущество харизматического лидера, исключительным его качеством является также сильная и неукротимая воля. Сама по себе она не способна пробудиться к рабо-

те, ожидая какого-то толчка извне. Это может быть интерес, цель, каприз, эмоциональное напряжение. Она действует как «технократическая» сила и не обладает способностью самостоятельно отличать добро от зла. В итоге часто, очень часто, побеждает аморальность. В лучшем случае имморальность — сочетание добрых и зловредных желаний и деяний.

Мартин Лютер (1483—1536) утверждал: «Воля человеческая находится где-то посередине между Богом и Сатаной. Если завладеет человеком Господь, он охотно пойдет туда... если же владеет им Сатана, то охотно пойдет туда, куда Сатана пожелает»⁶. Именно так ведут себя в политике и лица, не имеющие характера и твердых убеждений. Они легко и бездумно бегут за колесницей любого «героя», в том числе и за злодеем и лжецом. История Латинской Америки, впрочем, как и всех других стран, полна примеров такого рода.

Огромной силой в этом случае обладают эмоции. Они по своему характеру и темпераменту на фоне разума и волевого усилия выглядят энергиями странными и экстравагантными. Бессознательные инстинкты зачастую имеют «свой» ум и помогают разрешить возникающую коллизию быстрее и лучше всякого интеллекта.

Казалось бы, человек, как и все животные, может испытывать чувство страха, но кому, кроме него, знаком страх перед общественным мнением или проклятием? Цивилизация калечит и извращает эмоциональную девственность души, вносит в нее невыносимое нервное напряжение, подсовывает свои ценности — власть, деньги, обман, соперничество, зависть и прочее. Эмоциональную энергию ни в коем случае нельзя отождествлять с моралью, точнее — с нравственностью.

Так или иначе эмоции во многом прямо или косвенно влияют на мотивацию и формы политического поведения. Бывают и мягкосердные, и жесткосердные эмоции. Чаще всего они соседствуют и даже сплетаются между собой. Ловкий политик умело пользуется таким приемом для достижения цели, не брезгуя даже самыми грязными средствами.

Две сферы — нравственная и политическая — не могут совпадать друг с другом, но все же каким-то образом должны быть хоть как-то связаны. История свидетельствует, что мера этой связи во многом зависит от власти, точнее — от характера и совести главного властителя, будь то монарх, президент или премьер-министр. Они задают тон. Можно вспомнить имена многих благородных политических лидеров Латинской Америки. К сожалению, еще более значителен список военных диктаторов, гражданских мучителей и просто проходивцев, случайно оказавшихся у кормила власти. Государственные деятели второго рода в своем большинстве отличаются коварством и наглостью. В общем, политическая палитра злых властителей весьма разнообразна.

В жизни каждого отдельно взятого индивида постоянно происходит некое невидимое сосложение или противостояние внутренних сил: разум диктует одно, чувство жаждет другого, воля старается хоть как-то упорядочить и совместить противоположные желания. Предугадать, кто победит в этом споре, трудно, а скорее вообще невозможно. В социальной жизни ежеминутно сталкиваются внутренние энергии большого числа людей. В итоге образуется некая огромная свалка как индивидуальных воле и ин-

тересов, так и коллективных социальных энергий. Последние, как правило, оказываются сильнее всех частных устремлений.

НАРОДНЫЙ ДУХ И ПОЛИТИКА

Высшей ступенью человеческой энергии является *сила духа*. Эта мистическая субстанция есть особый боевой настрой, кураж жизненных сил, мужество и готовность к риску, неукротимое желание взять судьбу в свои руки, не плясать под дудку капризной Фортуны.

Напомним, что в христианской культуре принято различать три духа:

- Святой Дух как особую, третью ипостась Бога;
- Дух человеческий как высшее продолжение души в совокупности ее ума, воли, чувственности, любви и искры Божией, стремление к совершенству и небесности, к свободе;

- Нечистый дух как невидимое, но явное воздействие призрачных или реально ощущаемых сил зла, дьявола и его человекообразных подручных.

Мы привыкли смотреть на политику как на явление почти вещественное и материальное, во всяком случае не спиритуальное. И это оправдано тем, что все ее действие выражается в конкретных документах и поступках, в работе власти, партий, средств массовой информации, в массовых гражданских акциях и т.д. В действительно светлой и прогрессивной политике выражается самая простая и естественная связь с энергией человеческого духа, причем в его самой высшей форме, а именно — духа нации. Если этого контакта нет, то вся политика вырождается в призрак и самообман: власть делает вид, что она управляет, народ делает вид, что он подчиняется ее воле. Рано или поздно происходит взрыв, и дух нации вырывается наружу.

Церковь не отрицает самостоятельную силу человеческого духа, но подразумевает под ним нечто производное от Божьего Духа. Нас же теперь интересует качество и характер внутренней и свободной энергетики *самого человека*. Дух не измеряется и не может быть обнаружен как нечто вещественное и видимое, ибо он в высшей мере спиритуален. Такая же черта свойственна мысли, чувству, любви и всем другим самым тонким душевным состояниям.

Можно сказать, что дух есть непрерывный поток живых импульсов, настраивающий все системы организма на тот или иной лад, ту или иную тональность. Под позитивным качеством духа обычно подразумевается набор различных добродетелей и светлых характеристик личности — благородствие, смелость, альтруизм, гордость, чувство долга, оптимизм и др. Иными словами — весь дух добра. Пользуясь метафорой преподобного Симеона Нового Богослова, можно сказать, что такой дух человека — это «как бы душа души».

Под негативными проявлениями духа имеется в виду нарушение Божьих заветов, общечеловеческих ценностей, склонность к злу и деструкции, даже смертоубийству и другим порочным качествам.

Чтобы верно представить себе каждое из этих двух направлений, их принято распределять по отдельно взятым персонам — «хорошим» и «плохим», «добрым», «злым». На деле же все колебания духа происходят в каждой душе. Лишь святые полностью преодолевают злые пороки и искушения. Но таких единицы. Большинство же подвержено и светлым, и темным

настроениям. Именно это дуальное состояние духа и имел в виду Мартин Лютер. Нейтральная или безразличная позиция свидетельствует о полной бездуховности. Общее состояние духа направляет все наши силы и действия к какой-то цели. Этим мы отличаемся от животных.

Понятие дух с давних пор использовали и используют не только богословы и философы, поэты и музыканты, но многие, если не все, простые люди, государственные мужи и политики. Последние обычно прикрываются плащом «духа патриотизма», «боевым духом солдат», великим «духом нации» и прочими красивыми и благородными лозунгами. Такие выражения могут соответствовать реальному состоянию умов и психики граждан, но могут быть использованы в корыстных целях. Особенно цинично это проявляется именно в политике.

Здоровый дух ежеминутно корректирует звучание жизненной симфонии, причем в меняющихся объективных условиях. Слабый дух путается, мечется из стороны в сторону, перескакивает с одной тональности на другую, не соблюдает размера и т.п. В итоге человек теряет способность к разумному и полезному поведению, впадает в транс или «душевное расстройство».

Человеческий дух, разумеется, не сводится к каким-либо политическим его выражениям. Он шире, богаче, динамичнее всякой формы. Он свободен, ибо творит сам себя без оглядки на «авторитеты» и церковные постулаты. Более того, сила благородного духа героев и после их смерти продолжает вдохновлять человечество на новые подвиги.

СОВЕСТЬ В ЛАБИРИНТЕ ДОБРА И ЗЛА

Совесть относится к классу самых тонких и высоких энергий личности. К сожалению, далеко не все люди, даже очень порядочные, в полной мере обладают этим сокровенным качеством души. Им неизвестно, что только благодаря совести можно различить добро и зло. Общество и государство всегда стремятся «усреднить» разум и волю граждан, навязать им свою мораль. Многие склоняются к подчинению индивидуальной и групповой нравственности абсолютному закону долга — долга перед Богом, государством, социумом, семьей и т.д. Исполнять долг и означает вести себя по совести.

Идея долга наиболее ярко прозвучала в Ветхом Завете. Древнееврейский Бог Яхве заповедал Моисею несколько основных требований Закона. Всем известны эти 10 заповедей. За их нарушение вводились самые суровые правила, от которых «истомятся глаза и измучится душа» (Лев. 26, 15-16). Одним словом, было над чем серьезно задуматься: лучше полностью подчиниться воле Бога и не искушать судьбу.

Примерно столь же строго подходили к понятию долга перед богами и законами древнегреческие философы, а затем христианские богословы, философы эпохи Возрождения и все последующие поколения моралистов. Коли плохо поступил, то «совесть спать спокойно не дает», мучит душу. У каждого своя мера совестливости. Она зависит от многих факторов — силы рассудка и воли, от характера, общего развития психики, уровня культуры, воспитания.

В европейской культуре понятие «совесть» целиком включается в лоно нравственного сознания, поэтому-то в европейских языках нет отдельного слова «совесть». В России под совестью подразумевается не только интеллектуальное начало, но некое бессознательное чутье, тонкость чувств, ощущение. Сердце быстрее разума само чувствует, где правда, где ложь. Совесть это тайный голос, беспристрастный зритель и судья.

Самый авторитетный философ-моралист Иммануил Кант (1724—1804) в поисках единения долга и совести выдвинул идею о так называемом категорическом императиве — внутреннем расположении к добровольному нравственному исполнению долга.

Проблема долга как высшей и единственной сущности морали была рассмотрена и великим Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем (1770—1831). Он приподнялся над «чистым разумом» индивида, за который ратовал Кант, и выдвинул идею «разума общества» как воплощения «Абсолютного разума» (Бога). Гегель и многие другие философы (Кант, Гоббс) исходили из тезиса, что человек, скорее, зол, чем добр. Коли так, то его надо бы «переделать», «ибо он в природе не таков, каким должен быть»⁷. Данное мнение звучит неприятно, но во многом справедливо. Человеческий дух далек от ангельской чистоты и даже слишком часто зловреден. Я говорю сейчас не о трансцендентном образе сатаны в его религиозном толковании, а о самых обыденных и привычных, сознательных или бессознательных злых деяниях людей, их мстительности, злорадстве в связи с бедой и горем других, даже с желанием их гибели и т.п. Мы не знаем откуда и как появился дьявол (в Библии об этом нет ни слова), и ровно также не знаем, как избавиться от его искушений. Н.А.Бердяев договорился до того, что де «Человек более реализует в себе образ звериный, чем образ Божий... Ужасен не зверь, а человек, ставший зверем»⁸.

Роль главного врачевателя порченной грехом души человека Гегель отводил государству, даже не религии и культуре. Именно и только государство, по его словам, является «в моральном отношении действительно более высокой всеобщей сущностью». Истинное нравственное блаженство (*seligkeit*) наступает, по Гегелю, лишь тогда, когда граждане честно и беспрекословно следуют воле властей. По сути дела философ просто повторил идею Томаса Гоббса (1588—1679) о том, что ради морального перевоспитания людей государство имеет право на самую «звериную жестокость»⁹. Спустя столетие после смерти Гегеля его соотечественники на своей шкуре познали настоящий *seligkeit* Третьего рейха. Узнай философ о таком горе, он бы вторично умер, но уже от угрызения собственной совести.

Человек жил, живет и, видимо, всегда будет жить в атмосфере, пропитанной флюидами эгоизма и альтруизма, радости и горя, справедливости и агрессии. Больше ценятся земные интересы — выгода, эффективность, успех, собственность, власть, себялюбие и т.д. Благородные духовные установки многие искренне относят к сфере романтизма, религиозных фантазий, психического расстройства. Но даже и такой подход свидетельствует о недюжинной силе именно моральной энергии. Она, напомним А.Смита, не подвластна закону и потому от него часто страдает.

УРОКИ ПРОШЛОГО И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Абстрактно-философические рассуждения крайне непросто перевести в плоскость действительной практики. Они весьма отстранены от нее, хотя и питаются живыми соками реального опыта. Проще простого спрятаться в исторических описаниях или в дебрях бесконечных фактов текущей жизни. Точнее сказать, не «спрятаться», а заблудиться, запутаться в круговерти бурных социальных процессов. Приподняться над ними и дотянуться до абстракции всего труднее. Объем, качество и формы реализации человеческой энергии отличаются по историческому времени и пространству. Наиболее ярко и широко это проявляется на переломных этапах мирового развития.

Конец XX и начало XXI вв. ознаменовались глубоким парадигмальным сдвигом в жизни всего человечества. Для примера сошлюсь на некоторый опыт Латинской Америки. В ней на рубеже XX—XXI вв. ввиду краха социализма и воздействия глобализации было покончено с традицией авторитаризма, и восторжествовала либеральная демократия. В ряде стран наметился «левый поворот» в сторону укрепления социальной государственности. Весь XX в. проходил под знаком самых острых и кровопролитных конфликтов, преобладания насилия в экономике и политике. Одновременно развивались несколько глубинных противоречий: между латиноамериканскими нациями и иностранным, особенно, американским, гегемонизмом в экономике и политике; между стоявшей у власти консервативной аграрно-торговой олигархией и рвущийся к власти молодой национальной буржуазией; между организованной частью рабочего класса (компартии, «левые» профсоюзы, массовое забастовочное движение) и капиталом, между крестьянством и помещиками, между прогрессивно-патриотическим офицерством и реакционным генералитетом, между либералами и консерваторами. Перечень подобного рода антагонизмов можно продолжить: все существование было пропитано их энергией.

Сложилось устойчивое деление общества на три лагеря.

Меньшинство стояло на радикально-демократических и патриотических позициях, имело свои рабочие партии, «красные профсоюзы», газеты, боролось организованно и сознательно против status-quo. В 20-х годах прошлого столетия на политическую сцену вышли патриотические группы прогрессивного бразильского офицерства во главе с Л.К.Престесом (1922—1929). В Никарагуа против реакции и империализма выступили мелкобуржуазные демократы под предводительством Аугусто Сесаро Сандино. В Перу развернули борьбу за единство континентальных антиимпериалистических сил сторонники популярного прогрессиста Виктора Айя де ла Торе. В 30-х годах в ряде стран были созданы народные фронты (Бразилия, Чили, Мексика, Уругвай), вспыхивали вооруженные столкновения с силами внутренней и внешней реакции. По всему континенту в 50—60-х годах прокатилась мощная волна забастовочного движения.

В 1959 г. победой увенчалась кубинская революция. В 60—80-х годах широкий размах приобрело революционно-повстанческое движение. Кульминацией революционно-освободительной борьбы явилась чилийская революция 1970—1973 гг. Все эти события воплотили в себе всю самую боевую и революционную энергию народных масс.

Второй лагерь представлял умеренное течение национального популизма поликлассового состава. Оно продолжило линию бразильского «же-тулизма» 30—40-х годов и аргентинского «перонизма». Во главе этих форм патриотического энергизма стояли харизматические вожди. В 60—70-х годах на эту роль претендовали отдельные прогрессивные офицеры — Хуан Веласко Альварадо в Перу (1968—1975), Омар Торрихос в Панаме (1968—1978), Альфредо Овандо Кандиа и Хуан Хосе Торрес (1969—1971) в Боливии, Гильермо Родригес Лара в Эквадоре (1972—1976), Освальдо Лопес Арельяно в Гондурасе (1972—1975). К сожалению, все военно-революционные режимы потерпели поражение. Тем не менее этап «военно-популистской» энергии внес важный вклад в историю Латинской Америки.

Третий лагерь сосредоточил в себе всю «черную» энергию реакционных и профашистских сил. Они действовали фактически во всех странах, силой подавляя малейшую оппозицию и защищая интересы аграрной олигархии, крупного местного и иностранного капитала. В 60—70-х годах в Бразилии, Аргентине, Уругвае были установлены военно-полицейские диктатуры. Кульминацией победы «черного энергизма» явилось свержение правительства Сальвадора Альенде в 1973 г. и введение режима жестокого антидемократического режима «личной власти» генерала Аугусто Пиночета. Годы военно-полицейского терроризма нанесли сильнейший удар по демократии, от которого континент полностью не оправился до сих пор. И хотя в конечном счете либеральная демократия в конце XX — начале XXI вв. победила, многие традиции континентальной революционной энергетики XX в. были фактически исчерпаны.

Сложились совершенно иные политические реалии. Их характер детерминирован не столько прежним опытом, сколько новыми объективными и субъективными обстоятельствами. В их число входят следующие:

- глобализация мировой экономики и социальных отношений;
- переход от холодной войны двух систем к международному сотрудничеству;
- развитие национального капитализма и включение многих государств Латинской Америки в группу капиталистических стран среднего уровня развития;
- массовая внутренняя миграция и эмиграция трудового населения;
- новые, более «миролюбивые», формы взаимоотношений между работниками и работодателями;
- обновление технологии и унификация производственных процессов;
- развитие мировой торговли;
- рост социального неравенства в условиях либерально-буржуазного политического режима;
- интернационализация культуры, морали, идеологии и религиозных концепций (если так можно выразиться — «их обуржуазивание»);
- революция в средствах массовой информации и др.

В итоге общая политическая обстановка стала совершенно иной, отличной от эпохи XX столетия. Чем, например, можно объяснить явный спад былой остроты классовых противоречий и упадок рабочего движения? Почему утратили всякую почву под ногами бывшие некогда массовыми и сильными коммунистические партии? Где теперь леворадикальные профсоюзы и организованное профдвижение? Почему иссяк патриотический

популизм? По какой причине «классовый антагонизм» сменился повсеместной практикой «социального партнерства»? Чем объяснить развитие коллаборационизма с иностранным капиталом со стороны национальной буржуазии и интеллигенции? Такого рода вопросов много, но ответить на них непросто.

В самом общем плане я вижу главную причину в естественном «разряжении» энергийных социальных аккумуляторов. Наступило время смены парадигм исторического развития в сторону более тонких и эластичных общественных отношений, в сторону относительного «примирения» политических врагов и поисков давно желаемого «классового мира». Такой поворот оказался предпочтительнее откровенного и насильственного столкновения противоборствующих сил.

В этих условиях в отдельных странах в рамках конституционализма недавно наметился так называемый сдвиг влево. Наиболее радикальная перемена произошла в Венесуэле благодаря исключительной энергии Уго Чавеса и его «боливариийской» харизме. Как будут развиваться события после его смерти, сказать трудно. Думается, что радикализм его «социализма XXI века» сменится поппулизмом, но общий патриотический курс останется в основном прежним.

И все же «левый поворот» не приобрел континентального масштаба. Более того, выяснилось, что в самом себе он несет немалый заряд вынужденного авторитаризма и тяги к режиму «личной власти». Это обстоятельство породило довольно широкое оппозиционное движение против традиции политического каудильизма. Например, в Венесуэле в последние годы правления Чавеса.

Прежде на протяжении десятилетий огромную роль в искусственной радикализации рабочего и национально-освободительного движения играла политическая, моральная, финансовая и военная «подпитка» со стороны Коминтерна и Советского Союза. В идеологии леворадикальных сил преобладала идея борьбы за «мировую революцию». После краха социалистической иллюзии наступило время трезвой переоценки ценностей. Социально-политические отношения вошли в зону нормального напряжения «тока» в диапазоне 220—250 вольт.

Одновременно качественно изменились внешнеполитические связи Латинской Америки. Развились новые формы сотрудничества с США и Европой, окрепли узы латиноамериканской интеграции. Огромный сдвиг в структуре и качестве энергийно-политического пространства произошел после свержения военных диктатур и особенно в связи с поражением «пиночетизма». Можно сказать, что к началу XXI в. произошла и до сих пор продолжается «европеизация» латиноамериканского энергийного социального поля. «Континентальная революция», о которой с таким энтузиазмом писал Родней Аризмэнди, в основном исчерпала свои силы.

Однако на пути демократизации и свободы постепенно стали нарастать новые вызовы. Прежде всего — это быстрый рост дифференциации в уровнях жизни разжиревшей финансово-политической элиты и трудовой части населения. Невиданные масштабы приобрела общая криминализация жизни. Кое-где силы легитимного и криминального лагерей почти сравнялись. Если прежде западный мир жил под знаком «угрозы Коминтерна», то теперь, образно говоря, весь мир тщетно объединяет свои силы против мо-

гущества «Наркоинтерна» и связанного с ним экстремизма всех типов. Спрашивается, почему вместо «революционного пыла» молодежь легко и с интересом скатывается в инфернальное болото наркомании и уголовного криминала? Это, по-видимому, объясняется тем, что и правящие элиты, и крупный бизнес и тайно, и открыто поощряют и нередко подпитывают такой «поворот вправо». Они опасаются, что рано или поздно чувство революционаризма вновь захватит молодежную среду. Такое развитие очень даже вероятно: уже появляются новые формы протеста (парады гомосексуалистов, политизация карнаваловых шествий, увлечение критикой властей в Интернете, появление социальных сетей, объединяющих неравнодушных людей, выработка альтернативных программ и т.д.).

Процесс социализации в реальной ситуации может обрести как положительный, так и отрицательный смысл. Первый вариант означает сублимацию витальной энергии вверх, т.е. возвышение личности, ее совершенствование. Второй — движение вниз, отказ от нравственных ценностей, опускание «на дно» криминального и асоциального существования. Иногда оба процесса могут сменять друг друга на протяжении жизни одного и того же индивидуума. Моральное падение чаще всего прикрывается показным благородством. В настоящее время во всех странах, в том числе и Латинской Америки, происходит глубинная идейно-моральная и политическая трансформация. Какой бы аспект мы ни взяли — налицо болезненное «переваривание» уроков прошлого и осмысление новых вызовов истории. Они теперь носят не локальный, а глобальный характер, подчиняя своей воле энергию всего человечества, которая создала саму эту глобализацию, а теперь призвана научиться ею управлять. Пока успехов в этом отношении не видно. Скорее, напротив. Наступит ли и когда, если наступит, такая стадия развития человеческой энергии, когда она сможет реально управлять объективными социально-экономическими процессами, будет способна гармонизировать общественную жизнь, покончить со всякого рода зловерными и аморальными явлениями? Ответа на эти вопросы никто не знает. Остается лишь надеяться на лучшее.

В заключение хочу заметить следующее: в борьбе против авторитаристских и профашистских тенденций в Латинской Америке и многих других странах в авангард прогрессивных сил выдвигаются городские средние слои. Рабочий класс как бы перешел на путь социального сотрудничества с капиталом. Новое звучание и размах приобрели социоэтнические и межрелигиозные конфликты. Весьма отчетливо проявляются новейшие виды социального противостояния, которые условно можно назвать Интернет-популизмом. Сетевые связи, солидарность молодежи и интеллигенции, спонтанные массовые выступления морально и духовно связанных, но институционально не объединенных групп граждан, открыто и ненасильственно противостоят новым диктаторским формам правления олигархии и государственной бюрократии. «Зеленые», альтерглобализм — эти и многие другие движения свидетельствуют о пробуждении новой и невиданной прежде политической энергии. Главными ее особенностями являются пять признаков:

- принцип ненасильственного сопротивления;
- поликлассовый состав участников;
- внепартийный и гражданский характер неформального солидаризма;
- ослабление традиции бывшего харизматического вождизма отдельных персон, рост коллективной сознательной мотивации;
- виртуальные и прямые связи большого числа людей, никаким образом, кроме Интернета, не связанных между собой.

Можно сделать вывод: социальная человеческая энергия и человеческий дух все органичнее соединяются, образуя новую мощную струю современной политической ноосферы.

Человек, пока жив, пребывает одновременно и в добре, и в зле; и в любви, и в ненависти; и в мире, и в войне с собой и другими людьми. Налицо много хорошего и много плохого одновременно. Такое сочетание противоположных энергий вполне естественно и существовало всегда. Только в солидарной борьбе со стихией жизни индивидуум вырастает в личность, становится, как говорится, Человеком с большой буквы. Его творческая энергия мужает и крепнет.

Как много лет назад отметил П.Я.Чаадаев (1794—1856), «лишенные общения с другими существами, мы мирно щипали бы траву, а не рассуждали бы о своей природе»¹⁰. С этим мнением нельзя не согласиться. Только разумная и организованная энергия человеческого духа, взятая в глобальном масштабе, способна вывести мир на орбиту новой жизни всех наций и каждого индивида. Латинская Америка в это благородное дело вносит большой и полезный вклад.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Диоген Лаэртский. О жизни и изречениях знаменитых философов. М., 1979, с. 375.

² А.Смит. Теория нравственных чувств. М., 1977, с. 138.

³ Там же, с. 142.

⁴ Подробнее см.: Б.И.Коваль. Харизма и политика. Концепция с латиноамериканскими ликами. — Латинская Америка, 2011, № 6.

⁵ Цит. по: Ф.М.Бурлацкий. Загадка и урок Никколы Макиавелли. М., 1977, с. 173.

⁶ М.О.Лютер. О рабстве воли. См. приложение к изданию «Роттердамский Э. Философские произведения». М., 1986, с. 332.

⁷ Г.В.Фегель. Философия религии в двух томах. М., 1977, т. 2, с. 267.

⁸ Н.А.Бердяев. О назначении человека. М., 1933, с. 311.

⁹ Т.Гоббс. Сочинения в двух томах. М., 1989, т. 1, с. 271.

¹⁰ П.Я.Чаадаев. Философические письма. Сочинения. М., 1988, с. 52.